

Художник и модель

Нонна Степанян · статья для каталога / искусствоведческое эссе · 1978

Художник и модель (Заметки на выставке Рудольфа Хачатряна)

Внешние события биографии современного художника, принадлежащего к так называемому «среднему поколению», обычно не создают больших возможностей для объяснения творчества того или иного мастера, не дают ключей к пониманию выбора своей темы и манеры, своего пути. Объяснение в ином — в особенностях внутреннего роста художника, его глубоко личном опыте общения с людьми. Драматические переломы, раздумья, бури и то, что, выражаясь по старинке, «сердце успокоит» — все можно найти в произведениях его рук и обогатиться увиденным только при одном условии: внимательно вглядываясь и вслушиваясь в мир тонких переживаний и наблюдений художника. И тогда нам раскроется наиболее ценное — найденный и выстраданный им миропорядок, его оценка людей и явлений. Раскроется новый вариант понимания красоты и задач искусства в современном мире.

Сказанное в большой степени относится к творчеству заслуженного художника Армянской ССР Рудольфа Хачатряна. Черты его сегодняшнего зрелого облика можно усмотреть в работах юношеских лет, прекрасных, кстати сказать, где точная академическая студия оборачивается своеобразной красотой любовно и аналитически-досконально проработанных деталей. Пожалуй, теперь можно сказать, что в ранних рисунках художника уже содержалась и, во всяком случае, намечалась его современная манера. Однако его зрелые работы никогда не имели бы интереса в наших глазах, не обрели бы глубины и содержательности, если бы между ученическими листами и произведениями последних десяти лет не лег; полоса иных поисков, иных по характеру увлечений. Жажда новой художественной формы, истовые поиски изобразительного языка, способного выразить наше время, заставляли художника в течение полутора десятилетий, вплоть до 70-х годов, работать по-разному. Темпераментно, с яростной увлеченностью он отдавался последовательно диаметрально противоположным по характеру пластическим манерам. Но зрители тем не менее понимали, что за всеми работами скрывается одно лицо, что есть в них особая отмеченность, и она найдет с годами язык для своего полного выражения. Зрители ждали решительного выбора, после которого должен был начаться путь углубления, путь к совершенству. И Рудольф Хачатрян сделал свой выбор. С начала 70-х годов он работает исключительно в графике, преимущественно — в области портрета, а доминантой в его творчестве становится карандашный портрет. Здесь и начинается, собственно, это интересный мастер, здесь он и говорит свое самостоятельное слово.

Огромная душевная привязанность к людям становится своего рода оправданием и смыслом творчества, художник отдает себя одной цели: он воздвигает своеобразный памятник окружающим его людям. Герои Рудольфа Хачатряна навеки запечатлеваются, «оттискиваются» в его рисунках, мы становимся причастны его размышлениям, опыт его сердца становится нашим опытом. Успех в решении поставленной перед собой художником цели — показать людей такими, какие они есть, поделившись одновременно своими мыслями об их человеческих качествах, — возможен был только при правильном соотношении всех величин. Задачи «идеальные» должны были воплотиться в определенную сумму изобразительных средств.

Таковыми, какие они есть, но в свете своей любви к ним — вот как стремится показать своих героев Рудольф Хачатрян. Любовь художника к модели как бы материализуется, действительно «освещает» своим присутствием портреты. Поверхность листа, на которой возникает воздушно-легкий и одновременно аналитичный облик его героев, вся пронизана светом. Потому и нет никаких деталей реального окружения, что люди возникают из этой светоносной среды. Артистизм штриха, едва уловимые глазом градации нажима карандаша как бы выводят человека из потока света на наше обозрение. Бесконечные возможности, таящиеся в линии, штрихе, пространстве чистого листа, мастерски используются художником. Белый цвет в его работах никогда не воспринимается как бумага или как фон — это всегда олицетворение воздушного пространства. При таком понимании обнаруживается практическая неисчерпаемость скупых средств рисунка — белый лист и грифель в руках мастера могут передать самые сложные чувства, самые богатые эмоции.

Просматривая карандашные портреты Рудольфа Хачатряна в хронологической последовательности, можно увидеть путь развития этой художественной системы. Художник постепенно шел к освобождению от деталей, к скупому ограничению средств, сведению изображения только к тому, что действительно важно. Именно через аскетизм, решительный отказ от всего малозначительного он пришел к особой просветленности своих работ, к их духовной содержательности.

В карандашных портретах Рудольфа Хачатряна бросается в глаза одно не частое в наши дни свойство — они принципиально, вполне осознанно, как говорится, «с открытым забралом» вступают в диалог с образцами классического искусства, располагаясь в один ряд с карандашными портретами прошлого. Невольно возникает вопрос, с какой целью художник напоминает нам о своих предшественниках? Чтобы доказать, что в третьей четверти XX века можно работать на уровне мастеров классики? Да, такая задача ставилась художником. Ему хотелось показать, что виртуозное мастерство, точность и поэтическое таяние штриха достижимы, если есть

дарование, школа и глаз.

Но цель была шире. Автор стремился доказать, что не только он как художник может находиться в высоком ряду, но и его современники, люди наших дней, могут быть запечатлены как герои классического искусства. Точно и обнаженно (нередко — просто обнаженными), во всех подробностях внешнего облика, понятого, как «зеркало души», в светоносном пространстве изображает художник своих героев.

Можно сказать, что творчество Рудольфа Хачатряна имеет множество аспектов, но главное в нем — доказать, что человеческая индивидуальность составляет основной пафос и смысл искусства; доказать, что ценность человека — основной предмет искусства и что методы его показа и поэтизации образа сегодня те же, что и всегда. Цепь преемственности нерасторжима.

С этим кругом задач связано еще одно свойство работ Рудольфа Хачатряна — они очень красивы. Отделанность, прозрачная недоговоренность, тонкость в проработке деталей, плавность силуэтов создают в сумме особое качество драгоценности, не так уж часто встречающееся в современном искусстве. Между тем потребность в красоте у сегодняшнего зрителя велика, успех работ художника во многом кроется именно в этом. Сделать работу красивой — это входит в круг задач, которые мастер поставил перед собой; содержание его произведений раскрывается перед нами еще и потому, что они красивы. Портреты Рудольфа Хачатряна чрезвычайно точны по своим психологическим характеристикам. Иначе и быть не могло — когда ты изображаешь человека с предельной точностью, придавая его облику четкость медальной отливки, ошибки недопустимы. Приблизительность невозможна при этом методе. Невозможно и льстить: все, что есть в характере и внешности человека, выдвигается под пристальным взглядом рисовальщика на первый план, и зритель может воспринимать и обсуждать концепцию данной личности, опираясь не только на красоту портрета и облика модели. Однако сквозь все красивое и уродливое, сквозь гармонически-миловидное и острохарактерное проходит единое стремление (это и есть авторский голос!) — придать своей модели особое благородство, выдать право на вечность, определив ее неповторимые достоинства.

Почти за всеми портретами Рудольфа Хачатряна существует обширное поле ассоциаций. При восприятии таких его работ, как «Астхик», «Ованес», «Портрет сына», легко приходят на память итальянские портреты эпохи Возрождения, герои венецианских полотен и флорентийских фресок. Мы понимаем, что портрет жены 1973 года хорош не только сам по себе — обнаженностью чувств, напряженностью обращенного в себя взгляда, — но и той звучащей в нем пронзительной нотой (Офелия!). И хотя несложно перечислить детали, с помощью которых художник добился этого

впечатления (венки, пучок полевых цветов, движение рук), оно не может быть объяснено внутри этого перечисления. Портрет обладает внеположенными данному жанру свойствами. В нем есть магия искусства. Как бы ни был аскетически строг художник, какой бы программной точностью ни обладал каждый сантиметр в его листах, ни сама модель, ни документальный фотопортрет этой модели не могут заменить работу художника. Внутри трезвой, объективной манеры Хачатряна заключены заряд лиризма, индивидуальный выбор и оценка художника. Мастер не навязывает себя зрителю, он хочет в первую очередь показать своих героев, но его присутствие мы чувствуем во всем, и в первую очередь в выборе и оценке.

Ни один из героев Рудольфа Хачатряна, даже самые пожилые из них, не находятся «на склоне лет». Он изображает людей всегда с чувством перспективы, будущего. Вероятно, именно поэтому обладают таким обаянием портреты детей и молодых людей — модели всматриваются в нас с ожиданием и надеждой, в их облике есть особая отзывчивость. И мы, зрители, относимся к ним, как к любимым литературным героям, мы начинаем «сочинять» для них биографию, вступаем с ними в живой диалог, хотим встречи с ними в реальной жизни. Этого отклика художник и добивался! Даже болезненность (Пьеро), даже лукавство (Наташа Сайко), даже фанатизм (лингвист Мелкумян), выявленные в моделях, создают для нас возможность живого общения. Это — люди, они ценны для нас каждой своей чертой, они ждут от своего будущего и от своих собеседников отклика и понимания. Ждут с надеждой — об этом говорят их наполненные мыслью пристальные взгляды.

Пространство залов выставки Рудольфа Хачатряна, пространство любого помещения, где есть его портреты, насыщается «психическим полем». Люди, изображенные им, держат нас в состоянии напряженного общения. Мы узнаем через них «другого», становимся причастны размышлениям, томлениям и заботам отличных от нас и похожих на нас людей. А научить пониманию чужой жизни и души — одна из высоких функций искусства.

Нонна Степанян, кандидат искусствоведения